

КЕЙНСИАНСТВО КАК ПРОЯВЛЕНИЕ КРИЗИСА БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Л. САМУЭЛИ

Кафедра политической экономии
Будапештского политехнического института

(Поступило 10. XI. 1960 г.)

Представлено зав. кафедрой доцентом д-ром И. Девичем

1. Эволюция буржуазной политической экономии в период общего кризиса капитализма.

Общий кризис капитализма, раскол мира и борьба двух систем, углубление и обострение внутренних противоречий капитализма не могли не отразиться на состоянии буржуазной экономической науки.

Буржуазная политическая экономия уже давно утратила свой научный характер. Беспристрастный, объективный научный анализ в рамках буржуазного кругозора возможен лишь до тех пор, как отмечал Маркс, пока классовая борьба находится в скрытом состоянии или обнаруживается лишь в единичных направлениях. С завоеванием политической власти, с развитием и укреплением капиталистического способа производства, а вместе с тем и с обострением и углублением его внутренних противоречий, пробил смертный час для научной буржуазной экономии. «Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой.»¹ Эта вульгарная апологетика, отказавшаяся от изучения внутренней сущности экономических явлений, базировалась на догмате незыблемости, вечности капиталистического способа производства; утверждению этого догмата она служила в первую очередь. Вульгарная политическая экономия, как характеризовал ее Маркс, «ограничивается тем, что педантски систематизирует затасканные и самодовольные представления буржуазных деятелей производства о их собственном мире как лучшем из миров и объявляет эти представления вечными истинами»².

В условиях общего кризиса капитализма обстановка существенно образом изменилась. Раскол мира на две системы выбил всякую почву из-под старых апологетических теорий о вечности и незыблемости капитализма. Борьба против социализма означает уже не только борьбу с социалистическими теориями (что составляло основную задачу вульгарной экономии с момента ее возникновения), но и борьбу с реальными фактами существования социалистического строя.

¹ К. Маркс, Капитал, т. I, М. 1955 г. стр. 13.

² К. Маркс Капитал, т. I, стр. 87.

С другой стороны, обострение противоречий капитализма в обстановке общего кризиса — хроническая недогрузка предприятий, постоянная массовая безработица, углубление экономических кризисов, инфляция, империалистические войны, уничтожающие колоссальные материальные ценности и миллионы человеческих жизней — все это ставит вопрос о жизнеспособности существующей системы. Сама капиталистическая действительность опровергает старые буржуазные теории о невозможности общего перепроизводства при капитализме, теории о «равновесии», «саморегулировании» капиталистической экономики и т.п. Несомненно поэтому старые методы буржуазной апологетики все менее удовлетворяют буржуазию из-за своей все большей непригодности к идеологическому одурманиванию народных масс и в первую очередь рабочего класса. Это вынуждены признать и сами идеологи буржуазии, например, Дж. М. Кейнс пишет: «Это противоречие (между фактами капиталистической действительности и «теориями» вульгарных экономистов — Л. С.) не могло ускользнуть от рядового человека, вследствие чего с его стороны стало заметно все меньше и меньше склонности относиться к экономистам с тем же уважением, как и к другим группам ученых, у которых теоретические выводы, когда их применяют на практике, согласуются с наблюдениями»³.

Перед буржуазной политической экономией встала необходимость в новых методах защиты и оправдания монополистического капитала, в новом идеологическом оружии, направленном против учения марксизма-ленинизма, а вместе с тем и необходимость поисков путей «спасения» капитализма, разработки конкретных экономических мер, призванных предотвратить гибель капитализма или, хотя бы временно, укрепить его разваливающееся здание.

Современная буржуазная политическая экономия находится в глубоком кризисе, который выражается в целом ряде черт, присущих всем ее «новым» теориям⁴.

Ныне для буржуазной политической экономии характерно вынужденное признание ею растущих экономических трудностей капитализма и угрозы социальной катастрофы.⁵ Если старые вульгарные теории исходили и

³ J. M. KEYNES, *The General Theory of Employment, Interest and Money*, London, Macmillan, 1936, p. 33.

⁴ В нашей статье мы лишь вкратце рассматриваем сущность и главные черты кризиса буржуазной политической экономии. Глубокая и многосторонняя разработка данной темы содержится в изданной посмертно книге известного советского экономиста И. Г. Блюмина «Кризис современной буржуазной политической экономии», М., 1959 г.

⁵ «Ни один политический урок не вытекает более полно из опыта первой половины века, чем тот, что на последней демократической стадии капиталистического общества (так называет ревизионист Стрэнчи империалистическую стадию капитализма — Л. С.) любое правительство, которое допустит появление кризиса и массовой безработицы, обречено на гибель. В любом случае достаточно трудящимся (wage earners) придти к выводу, что можно и нужно избежать ужасы массовой безработицы, чтобы это свершилось.» JOHN STRASCHER, *Contemporary Capitalism*. London, 1956, p. 205—206.

прочного убеждения в нерушимости капитализма, считавшегося прежде неизменным и самоочевидным догматом, то современные буржуазные экономисты вынуждены ставить вопрос о социальной опасности, грозящей капиталистической системе. Перед буржуазными экономистами ныне стоят новые задачи — теперь уже речь идет не только об оправдании, но и об обеспечении существования и нормального функционирования капиталистической системы.

Вследствие роста экономических трудностей капитализма буржуазная экономия утратила веру в автоматическое действие внутренних сил капитализма, во всемогущество механизма капиталистической конкуренции. Вместо лозунга *laissez faire, laissez passer*, который был девизом побеждающей буржуазии в период развития капитализма по восходящей линии, ныне буржуазные экономисты все более ратуют за государственное «регулирование» экономики, за усиление вмешательства капиталистического государства в экономическую жизнь.

Таким образом, для современной буржуазной политической экономии характерен пересмотр традиционных взглядов буржуазных экономистов в двух направлениях: 1) в вопросе о государственном вмешательстве в экономику и 2) в вопросе об оценке внутренних движущих сил капиталистического развития.

Традиционный буржуазный взгляд на государство со времен физиократов провозглашал невмешательство государства в экономику, свободу индивидуального предпринимательства, которую не должны стеснять регламентации государства. Буржуазные сентенции, низводившие роль государства к функциям «ночного сторожа», утверждавшие, что «лучше всего управляет то правительство, которое меньше всего управляет» и т. п., являлись объективно отражением отношений свободной конкуренции на стадии домонополистического развития капитализма. Уже с конца XIX века с переходом капитализма в его последнюю империалистическую стадию функции капиталистического государства претерпевают существенные изменения. Капиталистические монополии используют государственный аппарат в своих собственных целях, в первую очередь, для милитаризации экономики при подготовке к войне за передел мира. Вторжение капиталистического государства в экономику, служащее интересам монополий, долгое время замалчивалось и не признавалось официальной буржуазной экономией, продолжавшей придерживаться старых догм. Лишь с конца 20-х годов, в обстановке общего кризиса капитализма, когда для ведущих идеологов буржуазии стала ощутимой угроза гибели, нависшей над всей капиталистической системой, в официальной науке намечается поворот к идее государственного вмешательства как средства спасения капитализма. Одновременно с этим происходит переоценка движущих сил и перспектив капиталистического способа производства. Если представители классической политической экономии, отражая

оптимизм побеждающей буржуазии, не видели никаких препятствий и пределов для развития капитализма, то современные буржуазные экономисты этот вопрос рассматривают по-иному. «... экономическая наука в современном ее состоянии, — констатирует Э. Жамс, французский историк экономической мысли, — утратила свой оптимистический характер, какой она приобрела в XIX в. Она стала источником многих тревог».⁶

Одно из ведущих направлений современной буржуазной политической экономии (кейнсианство) выдвинуло так называемую теорию «стагнации» современного капитализма, вследствие ослабления или полного прекращения действия его внутренних движущих сил⁷. Сторонники теории стагнации (А. Хансен, Б. Хиггинс и др.) приводят в подтверждение своей теории три аргумента: замедление роста народонаселения, окончание освоения новых земель, снижение темпов технического прогресса, вследствие которых область и возможность новых капиталовложений сократилась, что влечет за собой стагнацию капиталистического производства.

Теория стагнации, получившая известность в 30-х и начале 40-х годов, в сущности распространила на оценку перспектив развития всего капиталистического способа производства состояние капиталистической экономики тех лет, обусловленное мировым кризисом 1929—33 гг. и последовавшей за ним депрессией особого рода. Эта теория весьма поверхностно и односторонне рассматривает состояние капиталистической экономики. Несмотря на тенденцию капитализма к загниванию, проявляющуюся в эпоху империализма и особенно усиливающуюся в период его общего кризиса, нельзя говорить о стагнации развития производительных сил капитализма, о каком-либо автоматическом экономическом крахе капитализма. Приводимые теорией стагнации доводы, — которыми она пытается доказать, что источником бед является не капиталистическая система, а внешние по отношению к ней факторы (раздел мира, рост народонаселения, технических прогресс и т.п.), порождающие таким образом обостряющиеся кризисы, массовую безработицу и т.д. — на деле являются лишь проявлениями и результатом глубинного процесса, совершающегося в недрах капиталистического общества, они свидетельствуют о том, что производственные отношения капитализма тормозят развитие производительных сил.

Какую же цель преследуют буржуазные экономисты, выдвигая эту ненаучную теорию? Прежде всего они добиваются вмешательства государства в интересах спасения капиталистической системы, во имя избежания кри-

⁶ EMILE JAMES, Histoire de la pensée économique au XX-e siècle. Paris 1955, p. 702.

⁷ Видный американский кейнсианец Сеймур Харрис пишет про своего учителя: «У Кейнса экономическая система приходит в упадок в результате внутреннего процесса вырождения, как будто пожираемая раковой болезнью, но не под воздействием внешних сил. При отсутствии вмешательства государства обычным состоянием дел для развитой экономики должно быть неполное использование экономических ресурсов». (SEYMOUR E. HARRIS, J. M. Keynes. Economist and Policy maker, New-York, 1955, p. 141.)

зисов любыми путями.⁸ Вместе с тем появление теории стагнации весьма симптоматично. Она является отражением в буржуазной экономической науке того факта, что основы капиталистической экономики потрясены, что внутренние ее силы все слабее сказываются на развитии производительных сил, что для повышения производства капитализм все более нуждается в искусственных факторах. Государство, создающее такие искусственные факторы посредством своих непроизводительных расходов,—в первую очередь путем гонки вооружений,—рассматривается как сила, способная преодолеть затруднения капиталистической экономики.

Апелляция к государственному вмешательству как к панацее от всех бед—новая черта, характерная для буржуазной политической экономии периода общего кризиса капитализма.

Одним из проявлений кризиса буржуазной политической экономии является также изменение методов апологетики капитализма. Раньше исходным пунктом буржуазной апологетики было провозглашение принципов «свободы» и «справедливости», якобы царящих при системе «свободного предпринимательства», т.е. капитализма. Идеологи буржуазии утверждали, что капитализм наиболее соответствует индивидуалистическим наклонностям человека, что система свободной конкуренции обеспечивает максимум общественного благосостояния и прогресса человечества и т.п. Ныне же буржуазная апологетика не осмеливается выступать с открытым забралом, защищая капитализм, а пытается стыдливо замаскировать свою защиту формальной, словесной критикой отдельных пороков капитализма, прибегая нередко к утонченным методам социальной демагогии.

Многие буржуазные экономисты пытаются доказать, что капитализм «трансформировался», что он уже, по сути дела, и не является капитализмом а переходной ступенью к социализму, «смешанной экономикой», в которой развиваются и все больший удельный вес приобретают элементы социализма, подразумевая под ними рост государственно-монополистического капитализма. Теории «всеобщей занятости», «бескризисного», «планового», «регулируемого» капитализма представляют собой попытки наделить капиталистическую экономику чертами, свойственными лишь социализму.

Характерной чертой современной буржуазной политической экономии является кризис старых идей вульгарной политической экономии, идей свободного предпринимательства, невмешательства государства в экономику и т. д. и кризис некоторых фундаментальных теорий, как теории предельной полезности и предельной производительности (которые никогда не носили научного характера, но раньше вполне удовлетворяли буржуазию); отказ

⁸) «Эта теория (главным образом американского происхождения),—пишет Э. Жамс,—еще в большей степени, чем теория Кейнса, вызвана страхом, навеянным «великой депрессией» (т.е. кризисом 30-х годов—Л. С.). Сегодня ничто так не тревожит Новый свет, как возможность возобновления «великой депрессии». (E. JAMES, Histoire de la pensée économique au XX-e siècle, p. 590.)

от них, рекламирование новых «революционных» идей, вроде кейнсианской «революции» в политической экономии.

Наконец, необходимо отметить прикладной характер современной буржуазной экономики. Современные буржуазные экономисты основную свою задачу видят в «экономическом анализе», т. е. в исследовании явлений, наблюдаемых на поверхности явлений, в основном с их количественной стороны, не вдаваясь в теоретический анализ экономических категорий. Подмена политической экономии экономической политикой объясняется тем, что современной буржуазии нужны в первую очередь не теории, а практические средства, готовые рецепты такой экономической политики, которая могла бы обеспечить дальнейшее функционирование капиталистической системы. Этим объясняется тот факт, что центральными вопросами современных буржуазных экономических исследований являются вопросы регулирования экономического цикла, проведение «антикризисной» и антиинфляционной политики, обеспечение «полной» занятости.

Основные черты эволюции современной буржуазной политической экономии свидетельствуют о ее глубоком кризисе. Это уже не просто апология буржуазного строя, но такая апология, которая включает в себе вынужденное признание внутренней слабости капиталистической экономики и ищет источник существования и процветания капиталистической экономики не внутри самой этой экономики, а во внешних, внеэкономических силах, во вмешательстве капиталистического государства, в проведении «правильной» экономической политики. «Восхваляя капиталистическую экономику, современные буржуазные апологеты вынуждены в то же время выдавать ей *testamentum paupertatis* (свидетельство о бедности).»⁹

2. Эволюция воззрений Кейнса — от взглядов сторонника *laissez faire* к позиции защиты государственного вмешательства.

Теория английского экономиста Дж. М. Кейнса является выражением кризиса буржуазной политической экономии. «Кейнсианство,—как отмечал Вильям Фостер,—есть экономическая наука монополистического капитализма в период общего кризиса и упадка мировой капиталистической системы»¹⁰.

При анализе причин, обусловивших появление теории Кейнса, необходимо остановиться на особенностях экономики Англии периода общего кризиса капитализма, наложивших свой отпечаток и на ее экономическую мысль.

Англия — старейшая страна капитализма, но к концу XIX века ей пришлось уступить первенство в капиталистическом мире Соединенным Штатам, а затем и Германии. Отставание Англии в экономическом отношении по сравнению с ее молодыми соперниками, кризис и распад ее колониальной импе-

⁹ И. Г. Блюмин, Кризис современной буржуазной политической экономии, стр.39.

¹⁰ WILLIAM Z. FOSTER, Eisenhower and Keynesism, Political Affairs, April 1955, p. 19.

рии, которая раньше являлась основным источником огромных сверхприбылей, получаемых английской буржуазией, — угрожают экономическому могуществу английской буржуазии.

Крайняя зависимость Англии от внешнего рынка обуславливает ее исключительную чувствительность к изменениям мирового рынка и конкуренции других стран. Раньше пассивность ее торгового баланса уравновешивалась так называемым «невидимым экспортом» — прибылью, получаемую из колоний, от вывоза капитала за границу, платой за фрахт английского торгового флота, который раньше был первым в мире по тоннажу, за различные услуги и посредничество в области международного кредита и т. д. Ныне эти источники в значительной мере оскудели, платежный баланс страны стал пассивным. Отсюда — необходимость для Англии форсировать экспорт, отсюда — проблема платежного баланса, которой столько внимания уделяется в английской литературе.

Особенностью Англии как старой страны капитализма является то, что загнивание и паразитизм здесь начали сказываться раньше. Огромные колониальные владения и монопольное положение на мировом рынке позволили Англии раньше начать вывоз капитала, чем другим капиталистическим странам. Уступая промышленное первенство, Англия все более приобретала черты страны-рантье, живущей на доходы, получаемые из других стран. Значительная часть английской буржуазии превратилась в рантье, в пользу которых поступала все большая доля национального дохода. Косвенным образом об этом можно судить по увеличению расходов государственного бюджета на уплату процентов по государственному долгу. В 1914 г. на эти цели тратилось 24,5 млн. ф. ст., в 1929 г. — 355 млн., в 1939 г. — 230 млн., а после второй мировой войны, в 1949 году эта сумма достигла 500 млн. ф. ст., в 1954 году же она превысила 615 млн. ф. ст.¹¹

В Англии раньше, чем в других странах, образовалась сильная прослойка рабочей аристократии, на подкуп которой английская буржуазия могла уделить некоторую долю получаемых ею колоссальных сверхприбылей. Эта рабочая аристократия всегда была питательной средой оппортунизма, реформизма в рабочем движении, который в Англии принял самые законченные формы.

В политическом отношении английская буржуазия всегда отличалась большой опытностью по части обуздания рабочего движения, применяя политику кнута и пряника, жестоких репрессий и мелких уступок, частичных реформ, когда это необходимо. Английская буржуазная политическая экономия всегда была главным поставщиком новых апологетических теорий, новых средств защиты и оправдания практики капиталистических монополий.

¹¹ The Stateman's Year-book 1955, London, Macmillan, 1955, p. 92.

Крайнее обострение противоречий капитализма, тяжкое состояние экономики старейшей капиталистической страны, а также стремление многоопытной в политическом отношении английской буржуазии любыми средствами сохранить свое господство и привилегированное положение по отношению к другим странам, обусловили возникновение в Англии кейнсианства.

Теория Дж. М. Кейнса (1883—1946) сформировалась непосредственно в 30-е годы. Этому предшествовала примерно двадцатилетняя деятельность Кейнса как верного идеолога английской буржуазии. Кейнс отнюдь не был ученым кабинетного типа, вся его научная карьера на поприще политической экономики сочеталась с весьма активным участием в текущей экономической и политической жизни, а также с большой деятельностью в качестве преуспевающего биржевого спекулянта. Работы Кейнса всегда касались наиболее злободневных проблем, остро беспокоивших английскую буржуазию¹².

Весь первый период деятельности Кейнса рисует его как ярого приверженца вульгарной кембриджской школы, верного ученика Маршалла, последовательного сторонника доктрины *laissez-faire*. Однако уже в первых работах можно проследить некоторые отступления от традиционных взглядов буржуазной экономики. Эти отступления свидетельствуют о том, что Кейнс, последовательно отстаивая классовые позиции буржуазии, более ясно, чем его предшественники и современники, осознавал социальные опасности, грозящие капиталистической системе, стремясь всеми силами к укреплению последней¹³.

В своей первой книге «Валюта и финансы Индии» («*Indian Currency and Finance*», Macmillan, London, 1913) Кейнс выступает в защиту проведенной англичанами в Индии денежной реформы, приводя аргументы полностью в традиционном духе политики *laissez-faire*. В результате этой реформы, как известно, индийская рупия обменивалась непосредственно не на золото, а на английский фунт стерлингов, т.е. зависела исключительно от английской валюты. Главное предложение Кейнса заключалось в создании в Индии центрального банка (в руках англичан), который централизовал бы все золотые резервы, чтобы быть готовым к предупреждению внезапных утечек во времена кризисов.

В 1919 г. вышла в свет нашумевшая книга Кейнса «Экономические последствия мира», в которой Кейнс дал уничтожающую критику условий Версальского мирного договора, продиктованных, в первую очередь, неумными аппетитами французского империализма. Будучи непосредственным участ-

¹² «Именно не теория вела его (Кейнса) к практическим мероприятиям (*policies*), а практические мероприятия открывали... лечение экономических болезней, которое в конечном итоге привело его к своей теории», — пишет американский кейнсианец Л. Клейн (LAWRENCE R. KLEIN, *The Keynesian Revolution*, New York, 1948, p. 31).

¹³ Рассматриваемые ниже работы Кейнса разбираются нами в основном лишь с целью выявления намечающихся отклонений от традиционных воззрений буржуазной политэкономии, поэтому данный анализ не ставит своей задачей всестороннюю оценку работ Кейнса.

ником парижских мирных переговоров, Кейнс на богатом фактическом материале показал, что условия договора невыполнимы, что близорукая политика держав-победительниц грозит еще больше обострить внутренние противоречия капиталистических стран, усугубить их экономическое положение, что может привести к победе революции в Германии и других странах. Кейнс призывает империалистические правительства поступиться некоторыми своими требованиями, чтобы стабилизировать экономическое положение капиталистических стран Европы, в противном случае Кейнс грозит «ужасами» пролетарской революции¹⁴. Кейнс считал необходимым пересмотреть мирный договор в сторону смягчения требований, восстановить нормальные экономические связи в Европе, в том числе снять экономическую блокаду с Советской России. Как известно, Ленин в докладе на II-ом Конгрессе Коммунистического Интернационала и позднее, отмечая у Кейнса «непреклонную решимость защищать капитализм» и его «ненависть к большевизму»,¹⁵ подчеркивал положительные стороны анализа Кейнса: «Он (Кейнс) пришел к выводам,—говорил В.И. Ленин,—которые сильнее, нагляднее, назидательнее, чем любой вывод коммуниста-революционера, потому что выводы делает заведомый буржуа, беспощадный противник большевизма, который он себе рисует, как английский мещанин, в уродливом, свирепом, зверском виде. Кейнс пришел к выводам, что Европа и весь мир с Версальским миром идут к банкротству. Кейнс вышел в отставку, он в лицо правительству бросил свою книгу и сказал: вы делаете безумие».¹⁶

Для характеристики воззрений Кейнса необходимо остановиться на II-ой главе книги, где Кейнс рисует идиллическую картину «счастливого века» сравнительно мирного развития домонополистического капитализма во второй половине XIX века.¹⁷ Кейнс оплакивает безвозвратно канувшее в прошлое своего рода экономическое «тысячелетнее царство» буржуазии, когда рабочий класс «трудился в поте лица и довольствовался малым», когда господству отношений наемного рабства не грозили разрушительные войны и пролетарские революции.

¹⁴ «Если же мы сознательно будем стремиться к истощению центральной Европы, то я предсказываю, что отщепенцы не заставят себя ждать. Тогда ничто не сможет отсрочить надолго конечную гражданскую войну между силами реакции и отчаянными конвульсиями революции, перед которой побледнеют все ужасы последней европейской войны и которая, кто бы не победил в ней, разрушит цивилизацию и прогресс нашего поколения». (J. M. Keynes, *The Economic Consequences of the Peace*, London, Macmillan, 1919, p. 251.)

¹⁵ В. И. Ленин, *Соч.*, т. 31, стр. 199.

¹⁶ Там же, стр. 195.

¹⁷ «Каким удивительным эпизодом экономического прогресса была та эпоха, которая пришла к концу в августе месяце 1914 года! Правда, большая часть населения была принуждена трудиться в поте лица и довольствоваться малым, и все же по всем признакам, она не жаловалась на свою судьбу. Зато человек со способностями и волей мог пробить себе дорогу в средние и высшие классы общества, а для этих классов взамен ничтожных затрат и усилий жизнь открывала такие возможности комфорта, удобств и наслаждений, каких не знали самые богатые и могучие властители прежних времен». (J. M. Keynes, *Economic Consequences*, p. 9.)

Интересно отметить, с точки зрения дальнейшей эволюции Кейнса, что здесь он выступает как ярый сторонник политики *laissez-faire*, сожалея о временах, когда не существовало барьеров для торговли, препятствий для неограниченных инвестиций и накопления капитала. С большим энтузиазмом Кейнс повторяет затасканные рассуждения вульгарной экономии, как раз те, которые он будет так третировать 10—15 лет спустя: «... общественный порядок был устроен так, что значительная часть возрастающего дохода поступала в распоряжение одного общественного класса, который всего менее имел охоты потребить его целиком. Новые богачи девятнадцатого века не были склонны к чрезмерным тратам и предпочитали власть, доставляемую все новым применением капиталов к экономической деятельности, наслаждениям непосредственного потребления. В самом деле, именно *неравенство* распределения богатства давало возможность бесконечного их накопления и постоянных усовершенствований, отличавших наш век от предшествующих. В этом обстоятельстве лежит главное оправдание капиталистической системы».¹⁸ Это было написано более чем 40 лет тому назад. Ныне современные буржуазные экономисты назвали бы эти рассуждения «старомодными». Действительно эта апологетика полностью устарела, так как за это время история наглядно показала, что социализм обеспечивает расцвет экономики, подъем жизненного уровня трудящихся, более высокие темпы развития, чем отмирающий капитализм.

Оценивая в целом книгу Кейнса «Экономические последствия мира» и ее продолжение — «Пересмотр мирного договора» (*A Revision of the Treaty, 1922*) — можно сделать следующие выводы:

1) Кейнс показал себя как верный последователь традиционной системы взглядов вульгарной политической экономии, ее методов апологии капитализма.

2) Вместе с тем Кейнс зарекомендовал себя как трезвый идеолог буржуазии, четко осознающий социальные опасности, грозящие капиталистической системе. В этом наблюдается некоторый отход от академической экономии буржуазии, так как Кейнс не замыкается в узком мирке «хозяйствующих субъектов», а озабоченный судьбами капитализма, призывает чисто по-филлистерски, как отмечал Ленин, правительства держав-победительниц пересмотреть условия договора во имя стабилизации капитализма.¹⁹

Последующие события показали, что призывы Кейнса не пропали даром.

¹⁸ *Op. cit.* p. 16.

¹⁹ Однако из того факта, что Кейнс в своей книге обращается к вопросам производства совокупного продукта общества, проблемам накопления и распределения, отнюдь нельзя сделать того вывода, который делают И. Шумпетер (*The History of Economic Analysis*, p. 42), Дж. Стрэнчи (*Contemporary Capitalism*, pp. 75—76), будто вся суть последующих воззрений Кейнса уже содержится в «Экономических последствиях» и что вся его последующая деятельность являлась лишь дальнейшей разработкой этих воззрений. На самом деле, как это будет показано ниже, собственно «теория» Кейнса сложилась непосредственно под влиянием мирового кризиса 1929—33 гг.

3) Наконец, критикуя условия Версальского договора, Кейнс защищал особые интересы британского империализма, не желавшего усиления позиций французского империализма на европейском континенте в результате победы над Германией.

Наступление первого этапа общего кризиса капитализма ознаменовалось для Англии ухудшением ее экономического положения. Застойное положение английской экономики на протяжении 20-х годов объясняется ослаблением британского империализма в результате I-ой мировой войны, утратой ряда внешних рынков, конкуренцией США, Японии и других капиталистических стран. Поэтому в целом период 20-х годов характерен для английской экономики поисками путей преодоления кризисного состояния. Работы Кейнса этого периода были посвящены, в первую очередь, вопросам финансовой политики правительства, в правильном ведении которой Кейнс видел тогда средство излечения всех экономических болезней.

В своей работе «Трактат о денежной реформе», написанной в 1923 году, Кейнс пытался обосновать теорию «регулируемой валюты» (*managed currency*), сущность которой заключается в утверждении, что правительство, соответствующим образом поддерживая устойчивую бумажную валюту, свободную от связи с золотом, может регулировать экономическую жизнь.

Для обоснования своей идеи Кейнс использует аргументы вульгарной номиналистической теории денег: «... все деньги, — пишет Кейнс, — представляют не что иное, как время от времени прокламируемое государством законное платежное средство для выполнения денежных обязательств»²⁰.

Кейнс критикует золотой стандарт, называя его «варварским пережитком»²¹ совершенно излишним и неприемлемым в современных условиях. Хотя Кейнс в целом следует основному направлению старой номиналистической критики золотого стандарта, содержание и цели его критики носят объективно иной характер. Кейнса интересует не экономия золота, как защитников бумажных денег в XVIII и XIX веке, и не высвобождение золота для создания финансовых резервов, как германских сторонников государственной теории денег, которая служила империалистическим интересам германской буржуазии, готовившейся к войне за передел мира. Кейнс приспособил вульгарную номиналистическую теорию к условиям общего кризиса капитализма, который потряс кредитно-денежную систему капитализма и привел к краху золотого стандарта.

Критика Кейнса была направлена в первую очередь против теории «автоматизма» действия золотого стандарта. Действительно, «автоматизм» действия золотого стандарта был возможен лишь в условиях свободной конкуренции, свободного перелива капитала в мировом масштабе. Господство монополий, неравномерное распределение золотых запасов, подготовка к

²⁰ J. M. KEYNES. A Tract on Monetary Reform. Macmillan. London. 1923. p. 9.

²¹ Op. cit. p. 172.

империалистической войне, проявлявшаяся в накоплении золотого запаса центральными банками капиталистических государств отнюдь не для целей обеспечения свободного обмена бумажных денег, а для военных целей, уже до 1-ой мировой войны вызывали нарушения в системе золотого стандарта. Мировая империалистическая война, разруха народного хозяйства европейских стран, инфляция — все это окончательно подорвали систему золотого стандарта. Кейнсианское «развенчание» золота является лишь отражением краха золотого стандарта.

Непосредственная цель Кейнса — «поддержание устойчивости хозяйственной жизни, цен и рынка труда»,²² т. е. стабилизация «нормальных» условий капиталистической эксплуатации, — легко достижима, по его мнению, простым регулированием эмиссии бумажных денег и банковского процента. Кейнс, отказываясь от принципа *laissez-faire*²³ — одного из догматов вульгарной политической экономии, свою теорию «регулируемой валюты» полностью строит на не менее вульгарной количественной теории денег, отвергавшей закон стоимости и объяснявшей изменение уровня цен изменением количества денег в обращении. Кейнс слегка изменяет традиционную формулу количественной теории, видоизменив выражение товарной массы и противостоящего ей количества денег. У Кейнса речь идет не просто о товарной массе, а о массе предметов потребления, в которой выражается покупательная сила денег. Количество же обращающихся денег Кейнс подразделяет на две части: на наличные деньги, имеющиеся на руках у покупателей, и на кассовый резерв банков. Кейнс облакает в следующую формулу выводимую им зависимость: $n = p(k + rk')$, где n — количество денег в обращении, p — цена единицы предметов потребления, k — количество единиц предметов потребления, которое можно купить на наличные деньги «публики», k' — количество единиц предметов потребления, которое можно купить на наличные деньги, резервируемые банками, и r — отношение между банковским резервом наличных денег и общей суммой требований, предъявляемых «публикой» к банкам. Если «вкусы публики» и норма банковских резервов наличности не претерпевают изменений, то «мы имеем дело с прямой связью между количеством денег (n) и уровнем цен (p)»²⁴ — утверждает Кейнс. Отсюда им выводится задача государственного регулирования — поддержание определенного уровня цен путем соответствующей эмиссии денег.

Как же отражается изменение уровня цен на экономике? Это Кейнс анализирует в I главе «Социальные влияния изменений ценности денег», выделяя два основных случая — дефляцию и инфляцию. Инфляция, к которой Кейнс, а с ним и вся буржуазная наука, причисляет любое повышение цен

²² J. M. KEYNES, *Op. cit.*, p. 173.

²³ «Какой же урок для будущего мы должны из всего этого вывести? Главным образом тот, — пишет Кейнс, — что при господствующей социальной организации в области денежной политики нельзя рекомендовать принцип *laissez-faire*». (*Op. cit.* p.17.)

²⁴ *Op. cit.* p. 78.

(даже если оно происходит не вследствие обесценения денег и расстройств денежного обращения, а по другим причинам, как, например, в период оживления), благотворно отражается на предпринимательстве, так как рост цен стимулирует рост производства и занятости, увеличивая доходы предпринимателей и рабочего класса (!). Отрицательно сказывается инфляция на получателях фиксированного дохода, в первую очередь, рантье. Дефляция же вызывает обратный эффект: ослабление предпринимательства и повышение доходов рантье.

Кейнс противопоставляет «активный» класс капиталистов — предпринимателей, и «пассивный» класс — рантье (в число которых в Англии, особенно во Франции и в др. капиталистических странах входят значительные слои мелкой буржуазии), доказывая, что интересы капиталистов-предпринимателей якобы совпадают с интересами рабочих, а интересы рантье — наоборот, вызывают дефляцию, которая приводит к кризисам и безработице. Кейнс выдвигает своеобразную альтернативу: или безработица, или инфляция. «...инфляция является несправедливой, а дефляция экономически нецелесообразной,—пишет Кейнс.—Из обоих зол наименее, пожалуй, является дефляция, если оставить в стороне такую чрезмерную инфляцию, как, например, в Германии, ибо в обедневшем мире хуже вызвать безработицу, чем разочаровать класс рантье».²⁵

Такая апологетическая постановка вопроса призвана скрыть тот факт, что от инфляции страдает, в первую очередь, рабочий класс, так как обесценение денег понижает реальную зарплату рабочих. (Несомненно однако и то, что инфляция приводит к разорению и массы мелких рантье; таким образом, интересы рабочего класса не противоположны, а в основном совпадают с интересами мелкой буржуазии и средних слоев именно в вопросе инфляции). Истинным содержанием инфляционного «регулирования» экономики является перераспределение национального дохода в пользу горстки монополистов. Кейнс противоречит фактам, когда пишет, что инфляция улучшает положение рабочего класса²⁶. Инфляционный рост цен после I-ой мировой войны отнюдь не ликвидировал безработицы (которая, напр., в Англии на протяжении всего периода 20-х годов превышала 1 млн. человек по официальным данным), но лишь означал дополнительное бремя для трудящихся.

Наконец, кроме антирабочей тенденции теории «регулируемой валюты», развитой Кейнсом в «Трактате о денежной реформе», необходимо отметить еще одно направление аргументации Кейнса, направленное против золотого стандарта, которое отражает специфические интересы британского империализма, боящегося своего более сильного партнера—Соединенных

²⁵ Op. cit. p. 40.

²⁶ «... рабочий класс в послевоенное время улучшил свое положение по сравнению с другими классами, за исключением «спекулянтов». В некоторых важных случаях рабочие абсолютно улучшили свое положение...» J. M. Keynes, Op. cit., p. 28.

Штатов Америки, сосредоточивших в своих руках львиную долю золотого запаса капиталистического мира. «При современном распределении мирового золотого запаса,—пишет Кейнс,—восстановление золотого стандарта неизбежно означает, что мы предоставляем регулирование нашего уровня цен и кредитного цикла Федеральному Резервному Ведомству Соединенных Штатов. Даже при самой тесной и сердечной совместной работе Федерального Резервного Ведомства и Английского банка, первый всегда будет иметь преимущество».²⁷ Итак, «регулируемая валюта» Кейнса—это орудие слабеющего английского империализма в борьбе с империалистическими устремлениями американской буржуазии.

Восстановление в 1925 г. довоенного паритета золотого фунта вызвало серию критических статей Кейнса. В памфлете «Экономические последствия мистера Черчилля», направленном против У.Черчилля, который в свою бытность министром финансов провел денежную реформу, Кейнс доказывал, что основная причина экономических трудностей Англии—это более высокий уровень цен внутри страны, по сравнению с границей, и якобы слишком высокий уровень заработной платы, по сравнению с зарубежными странами. Корень всех зол Кейнс видел в восстановлении довоенного золотого стандарта, и его рассуждения в основном следуют идеям «Трактата о денежной реформе». Кейнс выступает против мер, предлагаемых Черчиллем, предусматривающих прямое урезывание заработной платы, считая это опасным, так как оно может вызвать сопротивление рабочих. Предлагая девальвацию фунта, меры косвенного наступления на жизненный уровень трудящихся, Кейнс выступает как осторожный политик буржуазии, стремящийся не обострять социальных противоречий, так как может случиться «нечто серьезное» для английской буржуазии.²⁸

Примечательный шаг в дальнейшей эволюции воззрений Кейнса представляет памфлет «Конец laissez-faire» (The End of Laissez-Faire), вышедший в 1926 году. В этой работе Кейнс атакует теоретические основы политики laissez-faire и в сущности здесь впервые ставится им вопрос о дальнейших перспективах капиталистического строя. В этой теоретической постановке проблемы наряду с тяжелым экономическим положением Англии сыграли

²⁷ J. M. KEYNES. Op. cit., pp. 174—175.

²⁸ Весьма примечательны в этом отношении следующие слова Кейнса: «Золотой паритет, со своей зависимостью от чистой удачи, со своей верой в «автоматическое упорядочение», со своей общей беспечностью по отношению к социальным мелочам, является эмблемой и идеалом тех, кто сидит в верхнем ярусе машины. Мне думается, что они бесконечно опрометчивы в своей беспечности, в своем туманном оптимизме и в благодушной вере, что ничего действительно серьезного не случится».

Девять раз из десяти ничего реально серьезного не случится, кроме маленьких бедствий для индивидов или групп. Но мы подвергаемся риску десятого раза и выкажем свою глупость, если станем продолжать применение принципов экономики, которые исходят из гипотезы laissez-faire и свободного соперничества, к обществу, быстро изживающему эту гипотезу.» J. M. KEYNES, Economic Consequences of Mr. Churchill. ("Essays in Persuasion". Macmillan, London, 1931, p. 262.)

свою роль, с одной стороны, подъем английского рабочего движения, рост стачечного движения в 20-х годах, высшей точкой которого являлась всеобщая забастовка 1926 года, а также, с другой стороны, очевидно сказались и те личные впечатления, которые почерпнул Кейнс во время своей поездки в Советский Союз в 1925 году. Все это заставило Кейнса всерьез призадуматься над будущим капитализма и об исходе борьбы двух систем.

Кейнс прежде всего усомнился в правильности тезиса буржуазной политэкономии о том, что свободная конкуренция автоматически обеспечивает при капитализме единство общественных и частных интересов, что деятельность отдельных капиталистов в обязательном порядке совпадает с направлением общественного развития.²⁹ Как раз наоборот, по мнению Кейнса, «риск, неуверенность и невежество», господствующие при существующем общественном порядке, являются причиной всех экономических неурядиц: безработицы, спада деловой активности, падения производства и т.д. Где же выход из этого положения? «Я полагаю, что лечение этих болезней,—отвечает Кейнс,—следует искать отчасти в установлении осмотрительного контроля центрального учреждения над денежным обращением и кредитом, отчасти в сборе и распространении в широких масштабах сведений о состоянии деловой жизни, включая полную гласность всех полезных сведений о бизнесе, которая в случае необходимости гарантировалась бы законом».³⁰ Таким образом, выход заключается в совместном выступлении крупных капиталистических предприятий, которое в конечном итоге обеспечивалось бы и государством в законодательном порядке. В переводе на марксистскую терминологию: обострение внутренних противоречий капитализма влечет за собой усиление государственно-монополистического капитализма. Конечно, необходимость такого государственного вмешательства в сфере обращения отнюдь не означает изменения характера капиталистического строя. Это старательно доказывается Кейнсом тем консервативно настроенным буржуазным идеологам, которые по-старому противятся усилению вмешательства государства в экономику.

Вместе с тем Кейнс подчеркивает, насколько нуждается капиталистическая система в этих реформах, чтобы доказать свою жизнеспособность перед лицом рождающегося социализма: «Что касается меня,—пишет Кейнс,—то я считаю, что капитализм, будучи благоразумно регулируемым, вероятно

²⁹ «Миром не правят так свыше,—писал Кейнс,—чтобы частный и общественный интерес всегда совпадал друг с другом. Не управляется он и здесь внизу так, чтобы эти интересы совпадали на практике. Неправильно делать такой вывод, исходя из Основ Экономической Науки, будто просвещенный эгоизм действует всегда в общественных интересах. Также неверно, что эгоизм обычно является просвещенным; гораздо чаще индивиды, в одиночку преследующие свои собственные цели, оказываются слишком невежественными или слишком слабыми даже для достижения этих целей. Опыт не говорит нам о том, что индивиды, когда они составляют общественную единицу, являются всегда менее проникательными, чем когда они действуют по одиночке». J. M. KEYNES, *The End of Laissez-Faire* ("Essays in Persuasion", p. 312.)

³⁰ J. M. KEYNES, *Op. cit.*, p. 317.

может стать более эффективным в достижении экономических целей, чем любая противоположная система, даже учитывая то, что это само по себе во многих отношениях крайне нежелательно (objectionable). Нашей задачей является выработка такого общественного устройства, которое будет как можно более эффективным, не нарушая вместе с тем наши представления об удовлетворительном образе жизни».³¹

В 1930 году, в разгар мирового экономического кризиса вышло в свет двухтомное сочинение Кейнса «Трактат о деньгах» (A Treatise on Money), в котором Кейнс предпринял попытку детальной разработки механики финансового регулирования и его теоретического обоснования. С этой целью Кейнс производит пересмотр вульгарной количественной теории денег, «усовершенствуя» эту теорию, Кейнс пытается приспособить ее к задачам «антикризисного регулирования».

Маркс уже в своей «К критике политической экономии» дал уничтожающую критику количественной теории. Маркс указывал на нелепость гипотезы представителей этой теории, согласно которой «товары вступают в процесс обращения без цены, а деньги без стоимости, и затем в этом процессе известная часть товарной мешанины обменивается на соответствующую часть металлической груды».³² Игнорирование закона стоимости, как подчеркивал Маркс, есть основной порок количественной теории денег.

В период своего возникновения количественная теория денег объективно отражала интересы промышленной буржуазии, так как была направлена против меркантилистов, видевших богатство исключительно в деньгах, т. е. во внешней торговле. Отрицание внутренней стоимости денег, таким образом, служило оружием в борьбе с узкопротекционистскими, рестрикционными мерами, стеснявшими развитие капитализма в конце XVIII—начале XIX веков. Ни Монтескье, ни Юм, ни Рикардо, ни другие сторонники этой теории не придавали существенного значения высоте уровня цен,³³ которая устанавливается якобы в зависимости от изменения количества денег в обращении.

Итак, количественная теория денег в свое время была направлена против государственного вмешательства, являясь одним из аргументов в пользу политики *laissez-faire*. В эпоху же империализма количественная теория

³¹ Op. cit. p. 321.

³² К. МАРКС, Капитал, т. I, стр.130.

³³ Небезынтересно в этой связи вспомнить известное изречение Юма: «Если рассматривать данную нацию самое по себе, то наличие большего или меньшего количества монет для счета или представительства товаров не оказывает никакого влияния, ни хорошего, ни дурного, точно так же, как не изменится баланс какого-нибудь купца, если в бухгалтерии он будет применять вместо арабской системы счета, требующей немногих цифр, римскую, требующую большего их количества. Большее количество денег, подобно римским счетным знакам, представляет даже неудобство и требует большего труда как для их сохранения, так и для транспорта». DAVID HUME, Essays and Treatises on Several Subjects, London, 1777, vol. I, p. 303. (Цит. по К. Маркс «К критике политической экономии», М. Госполитиздат, 1953, стр. 163.)

играет как раз обратную роль, являясь отражением и вместе с тем теоретическим обоснованием государственного «регулирования» экономики в интересах монополий.

С целью регулирования денежного обращения буржуазные экономисты разработали ряд формул, в основе которых лежит «уравнение обмена» Ирвинга Фишера. Американский экономист И. Фишер в 1911 году в своей книге «Покупательная сила денег» («The Purchasing Power of Money») облек в математическую формулу основной вывод количественной теории. «Уравнение обмена» Фишера выражает следующую зависимость между объемом денежной массы, массы банковских депозитов и уровнем товарных цен: $MV + M_1V_1 = PQ$, где M —денежная масса, M_1 —депозиты, V —скорость обращения денег, V_1 —скорость обращения депозитов, P —средняя цена товаров и Q —товарная масса. Отсюда $P = \frac{MV + M_1V_1}{Q}$, т.е. уровень цен является результатом деления всей массы денег и депозитов на товарную массу.

Категорическая формулировка количественной теории, данная И. Фишером, лишь еще сильнее подчеркивает несостоятельность этой теории. Что же выражает «уравнение обмена»? В сущности лишь ту тривиальную истину, что сумма цен товаров, реализованных за данный, статически рассматриваемый период, равняется количеству денег в обращении, помноженному на среднюю скорость их обращения. Следовательно, само по себе статичное «уравнение обмена» не выражает никакой причинной связи. Своим «уравнением обмена» Фишер стремится доказать, что цены определяются количеством денег в обращении, но в своем доказательстве он исходит из того, что еще требуется доказать: сумма товарных цен получается им в результате сложения цен реализуемых товаров. Если p —это цена определенного товара и Q —проданное количество этого товара, то $MV = pQ + p'Q' + p''Q'' = \Sigma pQ$, т.е. как видим, каждый товар уже с самого начала имеет свою собственную цену. Поэтому уравнение $MV = \Sigma pQ$ естественно не удовлетворяет требованиям количественной теории. И. Фишер преобразует данную формулу, искусственно отделив товарные цены от товарных тел: вместо ΣpQ Фишер вводит обозначение PT , где P есть уже средняя цена всей товарной массы, T —общая масса товаров. В «уравнении обмена» $MV = PT$ цены отрываются от физической массы товаров, т.е. от своей материальной субстанции, они как-бы повисают в воздухе. Математическая же интерпретация количества товаров вне цен, т.н. «товарная масса», которая не поддается выражению ни по стоимости, ни по потребительной стоимости, не может быть реальной экономической величиной.³⁴

³⁴ Уже Маркс в свое время указывал на бессмысленность такого рода противопоставления товарной и денежной массы: «Само собой очевидно, — писал Маркс, — что цена каждого отдельного вида товаров образует элемент суммы цен всех обращающихся товаров. Но совершенно непостижимо, каким образом несоизмеримые друг с другом потребитель-

Главный логический вывод, который напрашивается из этой теории, заключается в том, что рост цен на товары происходит параллельно росту денежной массы независимо от того, какие — бумажные или металлические — деньги находятся в обращении, изменяется или остается неизменной стоимость товаров. Этот теоретический вывод, естественно, не подтверждался фактами действительности. Опыт инфляций после I-ой мировой войны свидетельствовал о том, что даже в случае быстрого обесценения бумажных денег не наблюдается прямой связи между темпом эмиссии, изменением уровня цен и внешним валютным курсом, что предполагается данной теорией. Далее, первый послевоенный кризис 1921 года еще раз показал, что циклические колебания цен не укладываются в прокрустово ложе количественной теории. «Уравнение обмена» не могло объяснить и громадного роста курса ценных бумаг, вызванного невиданной биржевой спекуляцией накануне кризиса 1929 года. Количественная теория в своем прежнем виде не могла объяснить эти явления.

Кейнс, как мы это видели выше, полностью следовал в своем «Трактате о денежной реформе» за ортодоксальной количественной теорией, внося незначительные коррективы психологического порядка («вкусы публики»). В «Трактате о деньгах» же Кейнс пытается «усовершенствовать» ее.

Кейнс отказывается от установления общего уровня цен на все товары путем противопоставления всей денежной и всей товарной массы, а стремится выяснить законы установления цен на отдельные группы товаров. Кейнс совокупный денежный доход общества рассматривает с двух точек зрения. Во-первых, с точки зрения происхождения денежного дохода по производственным сферам: доходы, полученные при производстве потребительских благ, и доходы, полученные при производстве инвестиционных благ. Во-вторых, с точки зрения использования дохода: затраты на покупку потребительских благ и сбережения. Если распределение денежного дохода между потреблением и сбережением соответствует распределению совокупного продукта между производством потребительских благ и производством инвестиционных благ и если сбережения находятся в равновесии с инвестициями, то цены товаров будут равняться денежным издержкам производства (точнее, доходам факторов производства). Если нарушается равновесие между сбережениями и инвестициями, то цена потребительских благ изменяется независимо от изменения совокупного денежного дохода. Эта зависимость выражается первым из «основных уравнений» Кейнса:

ные стоимости могут в своей общей массе обмениваться на массу золота и серебра, находящуюся в данной стране. Если в смелом полете фантазии принять мир товаров за единственный совокупный товар, соответственной частью которого является каждый отдельный товар, то вся задача сводится к очень занятой арифметической выкладке такого рода: совокупный товар = x центнеров золота, товар A = известной части совокупного товара, = такой же части x центнеров золота». (К. МАРКС, Капитал, т. I, стр. 130).

$$P = \frac{E}{O} + \frac{I' - S}{R}$$

где P —уровень цен потребительских благ, E —совокупный денежный доход общества, O —совокупный продукт, R —масса потребительских благ и услуг, I' —инвестиции и S —сбережения. Итак, если $I' - S$ равняется нулю, то цена потребительских благ совпадает с общим уровнем цен; если $I' - S \neq 0$, то в этом случае цена потребительских благ отклонится от общего уровня цен.

Отношение сбережений и инвестиций и соответственно этому цена инвестиционных благ определяется, по мнению Кейнса, ставкой банковского процента и антиципацией, ожиданием будущего уровня прибылей. Но на ожидания также, в конечном итоге, влияет изменение ставки банковского процента. Следовательно, банковский процент у Кейнса—важнейший стратегический регулятор всей системы.

Итак, уровень цен на отдельные группы товаров определяется соотношением распределения денежного дохода между сферами производства, которое под воздействием целого ряда причин постоянно изменяется и принимает неопределенные очертания. Нетрудно заметить, что по сути дела «поправка» Кейнса к количественной теории заключается в том, что вместо массы денег он пользуется термином денежного дохода и не делит всю массу денег на всю товарную массу, как И. Фишер, а разделяет их на две части в неопределенной пропорции между двумя подразделениями общественного производства, а затем в каждом подразделении делит соответственно их друг на друга, получая желаемый уровень цен. Психологические факторы привлекаются Кейнсом для того, чтобы как своего рода *deus ex machina* объяснить трудности реального ценообразования и наблюдающиеся в действительности отклонения (в частности, так объясняет Кейнс разбухание фиктивного капитала в результате биржевых спекуляций). В целом Кейнс остается на базе вульгарной количественной теории, ни на йоту не продвинувшись вперед в познании закономерностей общественного воспроизводства, которые и определяют как раз закономерности денежного обращения, но отнюдь не наоборот.

Необходимо отметить, что Кейнс, хотя и пишет о трудности превращения сбережений в инвестиции³⁵ (и в этом отходит от традиционных воззре-

³⁵ Интересно в связи с этим сопоставить панегирик Кейнса главной якобы «добродетели» буржуазии—ее бережливости, написанный им в «Экономических последствиях» (см. выше стр. 180) со следующим местом «Трактата о деньгах»: «Обычно о накопленном богатстве мира думают как о мучительно созданном в результате добровольного воздержания индивидов от немедленных наслаждений потребления, называемого нами бережливостью. Но должно быть очевидным, что простое воздержание недостаточно само по себе, чтобы построить города и осушить топи. Воздержание от удовлетворения потребностей индивидов не увеличивает накопленного богатства: вместо этого оно может служить увеличению текущего потребления других индивидов. Таким образом, воздержание человека может привести или к росту капитального богатства или к получению

ний вульгарной экономии), но в целом даже в разгар мирового экономического кризиса он настроен весьма оптимистически относительно возможности бороться с кризисом путем простого регулирования банковского процента.

Итак, резюмируя деятельность Кейнса, предшествовавшую написанию его главной работы — «Общей теории занятости, процента и денег», можно сделать следующие выводы:

1. Хотя Кейнс в течение всего этого периода прочно стоял на базисе вульгарной теории кембриджской школы, он сделал от нее ряд отступлений, постепенно отказываясь от следования принципу *laissez-faire*, в основном в кредитно-денежной сфере.

2. Кейнс показал себя как идеолог буржуазии, весьма чутко реагирующий на изменение социальной обстановки. Вся его деятельность была проникнута стремлением добиться от буржуазии более осторожной и осмотрительной политики по отношению к рабочему классу, чтобы создать как можно более безопасные условия для нормального функционирования капиталистической системы.

3. В целях укрепления господства буржуазии Кейнс не отказывался от сочетания своих конкретных экономических предложений с туманными пожеланиями реформ и некоторыми элементами социальной демагогии (например, в вопросе об инфляции и отношении к рантие).

4. Однако вплоть до 1930 года Кейнс в целом весьма оптимистично оценивал перспективы капитализма, не видя особых препятствий для успешного функционирования существующей системы. Государственному вмешательству Кейнс отводил довольно ограниченную роль, утверждая, что для преодоления экономических трудностей капитализма достаточно государственного регулирования денежного обращения и банковского процента.

Основной труд Кейнса «Общая теория занятости, процента и денег» появился в 1936 году непосредственно после мирового кризиса 1929—1933 гг., который потряс всю капиталистическую систему и особенно тяжело отразился на Англии. Хотя в Англии в самый глубокий момент кризиса наибольшее сокращение выпуска промышленной продукции составило лишь 23,8%³⁶ в 1931 году по сравнению с 1929 г., в то время как в Германии в 1932 г. по отношению к 1929 г. сокращение производства составило 40,6%, в США — 46,2%, во Франции — 31,43%. особенно тяжелое положение Англии объясняется застойным состоянием английской экономики, которая лишь в 1929 г. достигла общего уровня 1913 г., в то время как в США рост промышленного

потребителями лучших ценностей за свои деньги... Итак, Бережливость может быть служанкой или нянькой Предпринимательства. Но равным образом она может ими и не быть. И возможно, что обычно и не является таковыми. Ведь предпринимательство связано с бережливостью не непосредственно, а через одну ступеньку, и связь, которая должна объединять их, часто отсутствует». J. M. KEYNES, *A Treatise on Money*, vol. II, London, 1930, pp. 148—149.

³⁶ Сборник «Мировые экономические кризисы» под ред. Е. Варга. М., 1937, т. I, стр. 495—505.

производства к 1929 году, по сравнению с 1913 г., составил 70%, во Франции — 38%. Особенно сильно пострадали такие отрасли в Англии, как судостроение: тоннаж построенных в 1933 г. судов сократился по отношению к 1929 г. на 91,0%³⁷, выплавка чугуна сократилась к 1932 году на 52,9%, выплавка стали — на 46% (1931 г.). В связи с кризисом особенно обострилась для Англии проблема безработицы. Если до I-ой мировой войны процент безработных колебался от 2 до 7%, то в 20-ые годы он составил 10—14%, а в годы кризиса достиг 22,1% (1932 г.). Таким образом, проблема безработицы в период общего кризиса капитализма становится исключительно серьезной проблемой в Англии. Многомиллионные армии безработных из явления периодического, проявляющегося в основном во время кризисов, становятся явлением постоянным.

Экономический кризис 1929—33 гг. привел английский капитализм на грань полного краха. Упадок промышленного производства, сокращение экспорта и импорта страны, усиливающаяся недогрузка производственных мощностей, наконец, миллионные массы безработных—все это стало серьезной опасностью для господства английской буржуазии.

Именно в этот период появляется экономическое учение кейнсианства. Только под влиянием мирового кризиса Кейнс в своей книге «Общая теория занятости, процента и денег» вынужден был отказаться от некоторых традиционных доктрин вульгарной апологетики³⁸ и дать всестороннее обоснование необходимости государственного вмешательства как единственного средства «спасения» капитализма.

Основное «новшество» Кейнса — это признание трудностей капиталистической экономики, признание неспособности капиталистической системы избежать экономические кризисы при использовании традиционных средств (в т.ч. одного лишь регулирования кредитно-денежной системы), признание существования массовой безработицы.

Кейнс изменяет свое прежнее оптимистическое отношение к положению капиталистической системы и сам критикует буржуазную политэкономия за ее оптимизм: «Корни прославленного *оптимизма* традиционной экономической теории, —приведшего к тому, что экономисты стали выступать в роли Кандидов, которые удалившись из мира для обработки своих садов, учат, что все к лучшему в этом лучшем из миров, лишь бы предоставить его самому себе — также лежат, как я думаю, в недочете значения тех препят-

³⁷ Сборник «Мировые экономические кризисы» под ред. Е. Варга, М., 1937, т. I, стр. 70.

³⁸ Значение мирового экономического кризиса для эволюции воззрений Кейнса совершенно правильно подчеркивается Л. Клейном: «... как известно всем экономистам, почти невозможно отделаться от ранних впечатлений, особенно после того, как оставались верными им в течение двух или более десятилетий. Не проживи Кейнс нескольких лет величайшей мировой экономической катастрофы, он не смог бы порвать с некоторыми из стандартных экономических доктрин». (LAWRENCE R. KLEIN, *The Keynesian Revolution*, p. 1.)

ствий для процветания, которые создаются недостаточностью эффективного спроса».³⁹

Буржуазная политическая экономия уже не может проходить с завязанными глазами перед очевидными фактами экономических «затруднений», если только она не хочет, чтобы ее теории полностью потеряли всякое доверие. Поэтому Кейнс отказывается от абсурдной теории Сэя о невозможности общего перепроизводства при капитализме, о невозможности превышения совокупного предложения над совокупным спросом. Кейнс, наоборот, подчеркивает опасность кризисов для всей капиталистической системы и призывает бороться с ними во имя спасения капитализма в целом.

Кейнс впервые в буржуазной политической экономии признал существование вынужденной безработицы, расходясь со старыми теориями о том, что безработица существует только... по вине самих рабочих из-за их несговорчивости и природной лени.⁴⁰ Кейнс перед лицом фактов вынужден был признать, что так называемое экономическое равновесие не исключает безработицы, что, следовательно, вряд ли можно говорить о полном использовании всех ресурсов при капитализме.

Это признание и даже усиленное подчеркивание экономических трудностей капитализма необходимо Кейнсу для обоснования своей главной идеи, что государственное «регулирование» экономики может спасти капитализм, уничтожить диспропорции между спросом и предложением, ликвидировать кризисы и безработицу, создавая «полную занятость» в рамках капиталистической системы. В связи с этим своей основной полемической огонь Кейнс направляет против сторонников устаревшей доктрины *laissez-faire* «... моя критика, — провозглашает Кейнс, — направление против несостоятельности теоретических основ доктрины *laissez-faire*, на которой я сам воспитывался и которой в течение многих лет обучал других».⁴¹

Кейнсианская теория, несомненно, и потому снискала почти всеобщее признание империалистической буржуазии, что, наряду с рядом практических рецептов по укреплению господства капитализма, она содержит изрядную долю социальной демагогии, пригодной для затуманивания сознания народных масс. Основные элементы кейнсианской демагогии заключаются в следующем:

³⁹ J. M. KEYNES, *The General Theory of Employment, Interest and Money*, p. 33.

⁴⁰ «Мало правдоподобно, — пишет Кейнс, — будто безработица в Соединенных Штатах в 1932 г. была порождена не то упрямым отказом рабочих согласиться на понижение денежной заработной платы, не то их упрямыми требованиями реальной заработной платы выше того, что могла обеспечить производительность хозяйственной системы. В объеме занятости происходили сильные колебания без каких-либо заметных изменений в минимальной реальной заработной плате, требуемой рабочими, или в производительности их труда. Рабочие во время депрессии никак не более требовательны, чем во время бума, — совсем наоборот. И физическая их производительность не меньше. Эти факты, известные из опыта, служат основанием *prima facie*, чтобы поставить под вопрос пригодность анализа классической школы». (J. M. KEYNES, *General Theory*, p. 9.)

⁴¹ J. M. KEYNES, *Op. cit.*, p. 339.

1) *Словесная критика отдельных недостатков капитализма*, которая не только стремится привлечь внимание буржуазии для ликвидации этих «неурядиц», но вместе с тем провозглашает и их «излечимость» в рамках капитализма при условии проведения правильной государственной политики; она призвана вводить в заблуждение народные массы, в первую очередь, рабочий класс, будто капитализм можно «излечить» путем благих реформ. Кейнс в своей книге выступает как борец за социальный прогресс, на первый план выдвигает борьбу с безработицей, выступает против прямого снижения денежной заработной платы, ратует за смягчение имущественного неравенства, осуждает спекуляцию и биржевые махинации; в заключение же своей книги Кейнс пишет о возможности устранения войн при осуществлении своего проекта. В лучшем случае это не более как благое пожелание кейнсианской теории и в действительности лишь прикрывает реакционное лицо самой теории.

2) *Критика старых апологетических теорий* у Кейнса также преследует двоякую цель: во-первых разгром старых теорий, уже непригодных в новой обстановке для разработки действенных мер спасения капитализма; во-вторых, назойливое противопоставление кейнсовской теории старым апологетическим теориям призвано скрыть апологетическую сущность самой теории Кейнса, их родство и преемственность. Кейнс всячески третирует своих противников (сравнения с Кандидом и т.п.), стремясь представить дело таким образом, будто он совершает какой-то переворот в политической экономии.⁴² Столь рекламируемая кейнсианская «революция» на самом деле есть попытка завуалировать истинное содержание кейнсовской теории.

3) *Кейнс выдвигает демагогические лозунги* борьбы с высокой нормой ссудного процента, которая якобы является причиной многих бед капитализма. Снижение процента, политика «дешевых денег», по Кейнсу, наряду с другими мерами «мудрого» государственного вмешательства может ликвидировать безработицу и кризисы при капитализме. Выдвигая лозунги борьбы против рантье («эвтаназии» рантье) и противопоставляя друг другу капиталистов-предпринимателей и капиталистов-рантье, теория Кейнса в некоторой мере напоминает социальную демагогию фашизма, также делившую класс капиталистов на две части и проповедовавшую борьбу с «процентным рабством».

* * *

⁴² «Теоретики классической школы (так называет Кейнс вульгарную школу Сэя, Эджуорта, Маршалла, Пигу — Л. С.) похожи на приверженцев евклидовой геометрии в неевклидовом мире, которые, убеждаясь на опыте, что прямые, по всей видимости параллельные, часто пересекаются, не видят другой возможности предотвратить несчастные столкновения, как бранить эти линии за то, что они не держатся прямо. В действительности же нет другого выхода, как отбросить вовсе аксиому параллельных линий и создать неевклидову геометрию. Нечто подобное требуется сегодня и в экономической науке». (J. M. Кеунес, *op. cit.*, p. 16.)

Рассмотрев работы Кейнса, написанные им до первой мировой войны и между двумя мировыми войнами, наглядно можно было проследить, как сказывается на буржуазной политической экономии влияние общего кризиса капитализма. Основная заслуга Кейнса, видного представителя буржуазной науки, в сущности заключается в том, что он первым осознал, насколько несостоятельны в изменившейся мировой обстановке отдельные положения традиционных буржуазных доктрин. Кейнс вынужден был отказаться от отдельных ходячих представлений буржуазной апологетики и попытаться создать такую теорию, которая поставила бы на ноги или хотя бы частично укрепила жизненные силы умирающего капитализма. Как мы видели выше, эти усилия Кейнса характерным образом отражают кризис современной буржуазной политической экономии, содержание которого — растущая тревога за будущее капитализма. Кризис буржуазной политэкономии, таким образом, является в целом порождением неустойчивости капиталистической системы. Эволюция воззрений Кейнса представляет собой яркий пример того, как преломляется в сознании буржуазного экономиста и сказывается на его научной деятельности исторический процесс обострения внутренних противоречий капитализма.

Резюме

В первом разделе статьи автор рассматривает основные черты, характеризующие эволюцию буржуазной политической экономии в условиях общего кризиса капитализма, раскола мира и борьбы двух систем. Эта эволюция заключается в вынужденном признании буржуазной наукой растущих экономических трудностей капитализма, в ее повороте к идее государственного вмешательства как средства укрепления капиталистической экономики, в изменении методов апологии капитализма и в ряде других моментов.

Во втором разделе автор рассматривает эволюцию воззрений английского буржуазного экономиста Дж. М. Кейнса и на основе анализа его основных работ: «Экономические последствия мира», «Трактат о денежной реформе», «Конец *Laissez-faire*», «Трактат о деньгах» и ряда других работ прослеживает постепенный переход Кейнса к идее государственного регулирования экономики как средства «спасения» капитализма. Автор анализирует причины, обусловившие появление основного труда Кейнса «Общей теории занятости, процента и денег» и основные черты теории Кейнса. Теория Кейнса рассматривается автором как порождение кризиса современной буржуазной политической экономии, содержание которого — растущая тревога за будущее капитализма.

Л. Самуэли, Будапешт, XI. Штоцек утца 2—4. Венгрия